

НА ПУТИ К «ТРЕТЬЕМУ РИМУ»

Андрей Торопов

«Два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти...». Эти слова старца Филофея, написанные в далеком XVI столетии, в наше время прочно вошли в лексикон политиков и публицистов. Но каждый из тех, кто приводит эту цитату, наполняет эту емкую фразу своим содержанием, зачастую прямо противоположным начальному смыслу. Одни видят в этих словах оправдание имперских амбиций, другие — давнюю несбыточную мечту. Какой же смысл вкладывал в эти слова старец Филофей? Если быть точным, то будет не совсем верным приписывать авторство идеи «Москва — третий Рим» старцу Филофею. В своем послании, ставшем широко известным благодаря приведенной цитате, старец Филофей лишь дает толкование пророчеству из Книги Даниила: «И во дни тех царств Бог небесный воздвигает царство, которое вовеки не разрушится, и царство это не будет передано другому народу; оно сокрушит и разрушит все царства, а само будет стоять вечно...» (Дан., 2; 44).

С тех пор, как были произнесены эти слова, человечество пыталось разгадать их загадку. Сколько ни появлялось в истории царств, могущество их оказывалось призрачным: пережив расцвет, они гибли под натиском завоевателей, и со временем уже ничто не напоминало о былом их величии. К смущению многих, пал Иерусалим, первенство которого ни у кого не вызывало сомнений. Центр цивилизации переместился в Рим, но и его первенство оказалось недолгим: будучи своеобразной столицей языческого мира, Рим погряз в разврате, и в этом истинную причину его падения видели не только христианские богословы, но и языческие философы. Но наряду с усилением антихристианской реакции это время ознаменовалось мученическим подвигом апостолов Петра и Павла, многих других, безвестных подвижников. Окончательным падением Рима, по мнению старца Филофея и других авторитетных богословов, явилось разделение Церкви, назревшее в течение нескольких столетий. «Новым Римом» стали называть Константинополь, но и он не сохранил своего первенства. И снова старец Филофей называет подлинным падением Константинополя не его политическое и военное поражение, а грехопадение народа и, как следствие, — падение власти, распространение ересей и вероотступнические компромиссы...

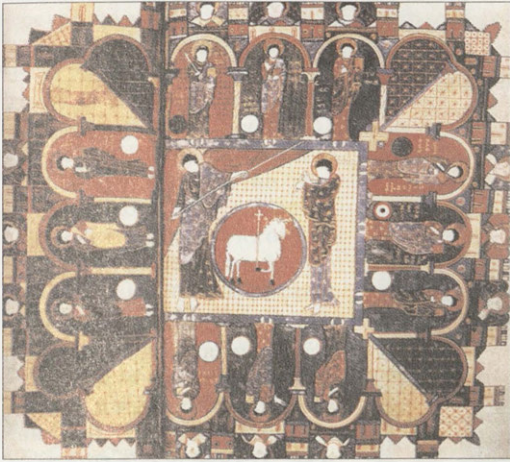
Еще не успело стихнуть колыхание вод Днепра после крещения в них множества киевлян, как

мессианскую идею подхватили на Руси. «Слово о законе и благодати» митрополита Киевского Иллариона стало первой заявкой о готовности Руси принять историческую эстафету от Византии. Однако митрополит Илларион, вопреки логике событий, ничего не говорит о Киеве как «третьем Риме», но мысль о том, что «третий Рим» находится на Руси, выражена им весьма недвусмысленно. Действительно, и Киеву не суждено было стать «третьим Римом», хотя на первый взгляд для этого имелись все основания. Почему же исполнение древнего пророчества, почти став реальностью, вновь и вновь исчезало, как призрак.

Проблема «третьего Рима» с самого начала имела религиозный характер. Главной причиной падения городов, казавшихся незыблемыми цитаделями и претендовавших на роль мировых культурных, духовных и политических центров, было нравственное состояние жителей этих городов, недостойное «третьего Рима».

Статус митрополии порождал в людях, особенно в аристократии, гордыню и чванство, местожительство в столице воспринималось как своего рода «индальгенция», смысл мессианской идеи извращался, а особое предназначение понималось как чисто земное, политическое превосходство. К сожалению, Киев пошел по тому же опасному пути. Желая предотвратить трагические для всего народа последствия, Юрий Долгорукий задумал перенести столицу на новое место. Осуществлять эти замыслы пришлось его сыну — Андрею Боголюбскому.

Часто перенос столицы из Киева во Владимир представляется историками как некий волевой шаг или же, напротив, стечение политических обстоятельств. С религиозной точки зрения это неверно, так как всякое важнейшее событие, связанное с укреплением новой столицы, сопровождалось мистическими знаками — явлениями икон Богородицы. Но даже если мыслить чисто земными категориями, Андрей Боголюбский перенес столицу не на пустое место, выбранное произвольно. Не случайно, именно сюда, на берега Нерли и Клязьмы, пришел в конце X века, спасаясь от неистовых ростовских язычников, святой Феодор Суздальский. То, что христианство в этих краях прививалось гораздо более мирным путем, чем в других местах, ясно свидетельствовало об особой роли Владимиро-Суздальской земли в судьбе не только русского, но и мирового христианства. Однако чтобы стать «третьим Римом», Владимиру необходим был не только статус столицы, но и быть центром митрополии, не-

Небесный град Иерусалим.
Литография из Апокалипсиса. XIII в.

зависимой от Константинополя. Но переговоры Андрея Боголюбского с Константинопольской Патриархией оказались безрезультатными: политические амбиции Византии оказались выше чувства реальности. А затем новым препятствием на пути к «третьему Риму» стал боярский заговор против Андрея Боголюбского, ввергнувший страну в затяжную полосу междоусобиц.

Но не канули в Лету претензии Владимира стать «третьим Римом». Они нашли отражение во Владимирском Всецерковном Соборе 1274 года, решение которого о признании Лионской унии актом вероотступничества Константинополь воспринял как ослушание. Но дни могущества Константинополя были уже сочтены: его падение совершилось в Лионе, а политический упадок был лишь его прямым следствием. Уже без согласия Византии митрополит Кирилл переселился во Владимир, а его преемник, митрополит Максим, официально изменил титул предстоятеля Русской Церкви. Казалось, пророчество совершилось, однако и Владимиру не суждено было именоваться «третьим Римом», хотя город фактически выполнял эту функцию. Владимир не пережил сокрушительного падения, но на роль «третьего Рима» ему был отпущен ничтожно малый, хотя и символический срок — четверть века. И возможно, со временем именно Владимир, а не Москва, стал бы столицей Русского государства, если бы не дивившиеся столетиями княжеские междоусобицы. О своих претензиях на роль «третьего Рима» заявила и Тверь. Конфликт князей мешал объединению Руси против монголо-татарского ига, и преемник митрополита Максима, митрополит Петр, потратил немало сил на разрешение споров. Убийство в Орде оклеветанного властолюбивыми соперниками князя Михаила Ярославича Тверского стало последней каплей, заставившей митрополита Петра искать компромиссный вариант выбора столичного города. Им стала Москва.

Утрата столичного статуса вовсе не означала упадка Владимира. Были в этом и положительные

стороны. Владимир счастливо сумел избежать столичной суеты, а следовательно, и всего того, что было причиной падения других претендентов на звание «третьего Рима». И хотя центром мировой цивилизации Владимир не стал, но у него была своя, неповторимая судьба. Несмотря на попытки превратить город в ничем не примечательный, «заштатный» губернский центр, в сознании народа он по-прежнему воспринимался как одна из церковных столиц, выбор Богородицы, и более того — как символ национального единения.

Во Владимире было положено начало многим важнейшим историческим процессам, а в самые трагичные и переломные моменты город вновь обретал славу. Так было и в XVII веке, когда в поход на Москву, завершившийся изгнанием интервентов, отправилось от Владимиро-Суздальской земли ополчение Минина и Пожарского. В том же столетии произошло возрождение митрополитом Илларионом Суздальским Владимирской епархии, которое стало символом преодоления церковного раскола. В XX веке именно с Владимира начался крах обновленчества — одного из самых уродливых и одиозных явлений в послереволюционной российской истории. Чтобы вытравить из памяти народа былую славу Владимиро-Суздальской Руси, большевики лишили Владимир даже статуса областного центра.

Но не все в этом мире подвластно воле человека и политическим стихиям, и в тот момент, когда безбожная власть уже торжествовала победу, на Владимирской земле произошли события, заставившие вновь вспомнить о таинственной остановке обоза Андрея Боголюбского и о необычайном явлении ему во сне Богородицы. Напоминание это было негромким, многие узнали о нем лишь спустя годы, это был достаточно красноречивый знак. В одиночной камере владимирской тюрьмы епископом Афанасием (Сахаровым) были написаны слова Службы всем русским святым, выразившие самые сокровенные чаяния многострадального народа. Спустя несколько лет здесь же находился в заключении Местоблюститель Патриаршего Престола митрополит Петр (Полянский). Используя почти невероятные, поистине чудом дарованные возможности, он передал на волю важнейшие церковно-канонические акты и послания, на которых вновь, как во времена митрополитов Кирилла и Максима, значилось: «г. Владимир». Это фактически означало возвращение к городу его былого значения как оплота Православия.

Пролетели века, и, пережив многочисленные лихолетья, «светло красуется» «светлый град Владимир». Вместе со всей Россией встретили новое тысячелетие древние белокаменные соборы — свидетели княжеских свадеб и коронаций, церковных Соборов и визитов знаменитостей. Людям свойственно надеяться на лучшее, но если и в новом тысячелетии будут уготованы потрясения и крутые повороты, не последнюю роль в этих исторических событиях сыграет город Владимир — последняя остановка на пути к «третьему Риму».